

Мария ШИБАЛОВА
«ТОЛЬКО У МЕНЯ СВОЯ ДОРОГА...»
(ТЕМА ПУТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ И. КИСЕЛЁВА
«ПОД СОЛНЦЕМ И НЕНАСТЬЕМ»)
// Огни Кузбасса. – 2004. – № 3/4. – С. 158-161.

В поэзии Игоря Михайловича Киселёва речь идёт: о полёте мечты и сказочных стёжках, лесных тропинках и небесных тропах, пути к себе и пути от души к душе, дороге памяти и дорогах России - и через все эти «связующие нити» Земли проходит путь Поэта.

«ТЫ ВЫБРАЛ ПУТЬ...»

«В стихах Киселёва говорится о многих и разных дорогах... вот одна из них, чётко прочерченная, - дорога поэта:

Твой путь по бумаге огромен,
Ты вышел...
.. для него она бесспорна...»
Сколько лет прошло с того момента,
Сколько троп свернулось за спиной!..

Путь поэта Игоря Киселёва - это путь от души к душе: «печаль...беду» он чувствовал «плечами»; «чужие трагедии - песня и судьба» его. Удивительный свет излучают, создавая особенный «хрупкий мир» «созвучий и строк», стихи, вошедшие в сборник «Под солнцем и ненастьем»:

Как дождинка в решето,
Я скачусь во тьму,
Если не шагнёт никто
К свету моему.

«Эта книжица, как песня, разлетелась по свету... стала редкой на полках. Потому что зачитана, потому что востребована», потому что стала нужной «в городе» и «за праздничным столом». Невостребованность губит, а попытки в «хорошей книге» услышать лишь «отголоски» другого поэта больно ранят. Думается, не случайно Игорь Киселёв назвал путь поэта «опасной и крутой дорогой»: а если люди не впустят песню, не «отворят души» свои, ответят тишиной непонимания?

Вы слышите? -
Я в двери к вам стучусь!
...
Вы слышите? -
Я в душу к вам стучусь!

Что тогда станет со зреющими песнями, с дремлющими сказками? –

...боюсь,
Что драгоценный этот груз,
Тот, что и жжёт и ранит,
Утратит блеск, и звук, и вкус...

Дорогой «впотьмах», «во тьме» назвал Игорь Киселёв путь поэта, ибо каждому предстоит отыскать собственную дорогу в мире поэзии, чтобы «прийти к человеку»,

обрести своего читателя: «Ты должен, должен быть услышан». «Огонь, зажженный кем-то на маяке Поэзии, будь то

костёр...
бакен,
далёкая звезда,

всего лишь знак, сигнал, что где-то, быть может, совсем близко, земля обетованная, но добраться туда можно только своим путём. В тягостную минуту - а сколько их, если судьба - это творчество! - можно открыть «Пушкина, Блока, Есенина том» - и Слетит со страниц состраданье.

Улыбнётся грустно Александр Блок, «пленник метелей»; заполнит временный духовный вакуум «запевающий пушкинский воздух»; «Как можно выстрелить в песню?» - горько просит Федерико; поддержит Владимир Высоцкий той самой силой, что «за душой у певца...»

Только строки любимые вспомнишь –
И поймёшь, их дыханьем согрет, -

скажет И. Киселёв, что «поэзия... неотложная судьба души!», что «иной дороги... не надо», как продолжать «за каждую душу бороться».

«И ВЕРНУСЬЯ, ВЕРНУСЬЯ...»

И. М. Киселёв родился в 1933 г. в селе Павловское на Алтае. «Детство - синие алтайские степи. Потом - Новосибирская область, отец - сельский учитель, постоянно переезжает с одного места на другое. Потом - война и школа, всё это очень связано одно с другим. Первое поэтическое впечатление - это ощущение всенародности беды, неизмеримого горя. С тем и живу» (И. Киселёв). Это не просто начало биографии, это и начало разговора об истоках творчества поэта И. Киселёва.

В стихотворении «Часто слышу...» он обращается к истокам поэзии Сергея Есенина:

... его и сегодня я слышу:
«... От луны свет большой
Прямо на нашу крышу...»

Там, «посреди России», - начало всех пройденных Есениным путей-дорог; без любви к родному краю не было бы его удивительных стихов. «Родниковая свежесть Катуня» помогла Василию Шукшину «все беды, все судьбы людские» пропускать «сквозь душу свою» (стихотворение «Утверждаю, что творчество...»). У каждого творца своя точка отсчёта, откуда начинается путь в литературу. У И. Киселёва – это

... край... солнечный,
Где
Плещут крыльями гуси
В родниковой воде.
(«Далеко, в захолустье...»)

Сюда, к «родному огню», он непременно возвращался, хотя бы «тропами памяти», куда бы ни забрасывали его «дороги России» - на Сахалин и Колыму, в Голодные степи или Читу... «По родине бродить» он не уставал, любил «её всякую - землю», но всегда в

глубине души хранил, «как искорку света», преданность «селу на трёх дорогах», «старенькой церквушке»...

«И ТОЛЬКО К ПАМЯТИ ПРИТРОНУСЬ...»

Память - «в минувшее мост». Это и воспоминания детства. «Будто в детство заглянул», и увидел, как, «землю прутиком карябая, лежит мальчишка на траве», и понял, что:

Он - я.

А я уже не я... - грустная мудрость человека, не побоявшегося ступить на этот «мост». Это и раздумья о «юности - лёгкой, мгновенной, летящей» - «сказке весны», откуда поэт отправился в путь за «тайной, за синей птицей». Воспоминания эти и радостно-светлые, и ностальгически-печальные, потому что нельзя спорить «со временем бесстрастным»:

Оно в свой час заставит нас уйти...

В поэзии И. Киселёва память - это не только воспоминания, но и способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления: «улыбку любимой», пляшущий дождь, «запах цветов», «звезду над водою»...

Как устроена память?
Догадайся поди.
И какими тропами
Память ищет пути?

Память уводит поэта «в далёкие страны, в былые эпохи», чтобы помочь разобраться в себе, понять, «где правда, где ложь», чтобы «история шла вперёд».

Память у И. Киселёва - это путь, по которому можно вернуться «в глубины давних лет», чтобы сегодня не пройти мимо «людских мук...слёз». Его «юродивый» - образ, высвеченный памятью, «мог случайно молвить слово, которое превыше всех». Поэтическое же слово не должно звучать по случаю и не может быть оброненным случайно. «Юродивый» И. Киселёва - его программное стихотворение: это чужая боль, какой бы давней она ни была, обжигая дыхание поэта, рождает слово, что «превыше всех».

И когда, не понятый «густой толпой»

Кому кругом какое дело,
Что я устал...

поэт ищет равновесия в жизни, он тоже стучится «в калитку памяти», уходит в былое,

Чтоб ветерок забытых встреч
Прошелестел навстречу...

Память - путь в будущее через прошлое:

Что ждёт меня?
Что завтра ждёт меня? –

мучительные вопросы юности. Своей судьбой поэта И. Киселёв отвечал на них.

«МЕЧТАНИИ... ПУТЬ»

Позвал нас с собой поэт и «в неизведанную страну», населённую «мечтателями и чудаками», которые никогда не спешат и никуда не торопятся. Они плывут «сквозь свои

мечтанья», удивляясь всему, что встречается на пути: цветку, «речки синему хрусталу», даже самому «этому удивленью». «Сорок тысяч лет удивленья» - фантастически долгий срок! А попасть в страну фантазии очень просто:

Настежь окна - синь и тишь, -
О карниз рукой опёрся,
Оттолкнулся -и летишь!

А рядом летит, разбрасывая ноги, конь, в фиалках-васильках:

Прибежал тот конь, похоже,
Из легенды, из мечты...

Летят «медленные сказки, издали похожие на птиц». Летит, «лёгкой ласточкой вонзаясь в тишину», и сам лирический герой Игоря Киселёва - фантазёр из страны детства. Мир, лишь похожий на настоящий, чрезвычайно хрупок, и, чтобы невзначай его не разрушить, нужно очень сильно верить, не уставать удивляться, не терять надежду. Его как будто нарисовала детская рука «голубым карандашом» в «тетрадке школьной»: голубое небо, голубые дали, небывало голубого коня, голубые паруса - мир мечты.

Есть ещё один способ попасть в него, наверное, он проще: вон по «луговой тропинке»

Бежит девчонка - вся сиянье,
Как лёгкий парус над травой...

А вот, прямо над окном, «весь пульсируя и светясь», несёт в авоське продукты «на виду у вселенной всей» какой-то человек. Привычная картина. Но человек необычный: «паруса за его спиной». И стоит только устремиться вслед за девочкой-парусом, человеком - «сгустком тайны» в светлую «распахнутую даль», за ней, беззаботной, за ним, сосредоточенным, излучающими «сиянье» и свет, как почувствуешь и за своей спиной... паруса - символ и ветра, и творческого дыханья, и поэтического откровения. Это значит, что ступил ты на «мечтаний путь». В добрый путь!..

«ЛЕТЯТ ПО СВЕТУ СКАЗКИ...»

«Росою синею - Россией - тропа заросшая вела», «узкой тропкой уходя, звала» за собой, пока не привела

К перекрёстку, где камень горячий,
На котором заметны едва
Позабытых преданий слова...

Куда же теперь?.. Вспоминается чудесный и мудрый совет Лескова: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своей старой сказкой! Горе тому, у кого её не будет под старость!» («Соборяне»). «Все люди делятся на людей, живущих сказкой, и людей, живущих без сказки, - произнёс на вечере русской поэзии в Берлине 3 мая 1934 г. Иван Ильин. - И люди, живущие со сказкой, имеют дар и счастье по-младенчески вопрошать свой народ о первой и последней мудрости и по-младенчески внимать ответам его первозданной доисторической философии»... к ним, живущим как бы в «ладу» со своей национальной сказкой, относится и Игорь Киселёв:

...В шуме повседневном,
Склоняясь над выцветшим листком,
Я восхищаюсь их напевным,

Простым и точным языком.

И подгоняя слово к слову,
Чтоб ярче вспыхнула строка,
Учусь я точности и слогу
У сказочного языка.

(«Сказки».)

«Он не мыслит без причастности к фольклору не только своего творчества, но и всего мироощущения».

«Сказки помогали формировать духовный мир поэта, изначально порождали чувство Родины, основу нравственности, народную по своей природе...».

Вернёмся «к перекрёстку, где камень горячий»... Куда теперь?.. Конечно же, «в тридесатую сказку», «в простор неведомый». И «лица старых русских сказок являются из темноты», «грозные в начале» и «добрые в конце». Пролетает «над Русью змей трёх-главый, дыша и смрадом и огнём»; «Жощей... по сёлам... мор и тьму» сеет; ловит шаг путника, «в ночь уставясь ухом»; Колдунья...

- Не выдай, сказка! Помоги! -

просят «девчонки и мальчишки», «по-младенчески беспомощно, недоумённо, коснувшись зла и страха на земле».

- Не выдай, сказка! Помоги! -

шепчет поэт: «что-то стряслось с человеком»...

И леший, притворившись пнём, показывает «путь-дорогу... полегче; является сразу и Сивка-бурка, и «конёк-горбунок», оспаривая право, кто из них на этот раз прокатит «с ветерком». «Соловей из чащобы», «серый волк», «Василиса, царевна-лягушка» - все готовы помочь.

И царевна, махнув руками,
Пожелает - и быть посему –
Что б кукушки накуковали
Долгих лет беспечальных ему.

И Добро побеждало зло... «в тридесатой сказке»... но продолжало с ним сражаться в жизни, и помогали человеку сказки, «издали похожие на птиц», «добру учили... совести», «доблести и чести», «мужеству и мастерству».

А поэт, мечтавший когда-то стать «сказочником, мудрым и весёлым... добрым и лукавым», горько вздыхал о «не придуманных» им сказках:

Только у меня своя дорога
Пролегла под солнцем и ненастьем.

И помогал по-своему ответить на вечные вопросы: «Что такое счастье?.. Что такое судьба?.. И куда кривда ведёт?.. А можно ли жить и прожить кривдою на свете?.. И куда кривда ведёт?.. Правда ли, что возможно только возможное, а невозможно невозможное?.. И что мы можем только то, к чему привыкли?.. А если так, то к чему же призван человек?»

«ПО СВЯЗУЮЩИМ НИТЯМ» ЗЕМЛИ

В созданном им мире всё движется: невозможно представить его птиц, облака, деревья застывшими. Они такие же скитальцы, как и сам поэт: «бродят», «бегут», «шагают», «гуляют» - совершают свой в жизни путь. Они спутники его и когда их движение видимо глазу:

... на дальней июльской поляне
Бродит конь по колёно в луне;
Бродят лоси к водопою;
Ласточка чертит зигзаги,
За собственной тенью гонясь;

Снова к морю, к солнечному морю
Дружных птиц уходят косяки;

...с востока
Плывут слепые облака...

и когда их движение есть переход из одного состояния в другое:

Гроза приближается шагом;
Какое короткое лето
Бежит, спотыкаясь, к пруду...

Он «бежал» вместе с «весёлым летом»; его «уносила» в свою сказку весна; шёл «осенью лесною» туда, где «паутина льнёт к плащу», а, когда
Дни сожмутся, ночи удлинятся,
уходил слушать «снега... голубую тишь». В этом мире творят двое: ветер, «мёдом веющий», «тёплый», «обиженный и пьяный», и Поэт. Один-движение; он «бродит», «пролетает», «веет» - и

Медленно тронувшись с места,
Деревья идут по земле;

Окутанные лёгким дымом
Бредут черёмух косяки...

Другой подходит к «рабочему столу», склоняется «над белой бумагой»... Но продолжает «шагать», «гнаться», «пробираться», «бродить», «кочевать», «ехать» по «древней и тайной» «тропе заросшей», «позаброшенной»; «ослепшей тропинке»; «уединённой тропке»; «по дорогам и бездорожью» идти

На зов таинственный и властный
Самой Поэзии –

и рождаются стихи, слово движется к слову, сплетаясь в метафорические образы: «плывут...деревья»; «звёзды гуляют»; идут «по лесу... лунные пятна»;

...по снегам, подтаявшим слегка,
гуляет длинноногая метель;

...по звёздам гулко, как во сне,
шлёпают усталые колёса.

«Квадратные кварталы», «квадратные дома», грохочущий трамваями, ревуший автомобилями город, где «хмуро здания теснятся» и где «запнулся в буднях бег свободный», вызывают у лирического героя Игоря Киселёва «ощущение смутной

тревоги», что живёт он «не там... и не так», заставляют страдать, «сводят с ума». И он, «устан ходить по кругу», покорный «зову земли», снова и снова «размывает» рамки обыденности, вырывается из «густой толпы» и отправляется в путь-дорогу... Но не по «бетонному шоссе»,

Где мчатся наши души.
Как белки в колесе,

и не по «накатанным рельсам»

Вперёд, покуда видит глаз,

а по «связующим нитям» Земли

(Земля создала человека,
Чтоб видеть и слышать себя) –

по дороге Красоты

(.. хочется простого:
Сиянья и простора.
Предутренней звезды,
Колодезной воды...)

и Добра. «Я стою за тебя, Доброта!» - произнёс поэт в одном из стихотворений - в этом его и поэтическое, и человеческое кредо.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Цейтлин Е А Вспомним ли мы этот дождь?.. // Писатель и провинция. - М.: Сов. писатель, 1990.

Бабанаква Г. Печаль моя светла... // Кузбасс. 2003. 8 февр.

Казаркина А. Пульс времени: этюды о поэтах Кузбасса. - Кемерово, 1985.

Казаркина А. П. Литературное краеведение в Кузбассе. - Кемерово, 1993.

Казаркина А. Магия слова (И. Киселёв) // Казаркин А. Пульс времени.

Абрамович А. Ф. За тебя, доброта! // Абрамович А. Ф. Романтика мужества.

Ильин И. Духовный смысл сказки.